

то, что появляется в этом тумане. И вот вы замечаете белый парус. Тогда вы можете сказать: «Ага, да ведь эта белизна есть не что иное, как лодка или корабль со своим парусом». И тогда указанную выше фразу Лермонтова вы поймете так: «видимая мною белизна в далеком морском тумане есть лодка или корабль с парусом», значит, подлежащим здесь явится не «парус», но «белеет» со всеми прочими членами данного предложения. Далее, в указанной фразе Лермонтова вас может заинтересовать и не парус и не его белизна, а весь тот голубой туман, который вы видите в морской дали. Тогда у вас получится предложение: «голубой морской туман содержит в какой-то одной своей точке лодку с белым парусом».

Другими словами, если грамматическое предложение понимать действительно как языковое явление, а не как абстрактно логическое суждение, то оно, будучи интерпретацией этого последнего, может подчеркивать в нем любые его элементы и выдвигать на первый план любые употребленные в нем категории. Этим же самым способом даже определение «одинокый», т. е. «одинокство» вполне может считаться подлежащим данного предложения и тогда сказуемым будут слова «белеет парус в тумане моря голубом». Следовательно, предиктировать в смысле языка — это и значит бесконечно разнообразно варьировать одно и то же логическое суждение, бесконечно разнообразно его интерпретировать. И вообще, любой член грамматического предложения можно считать подлежащим, а все остальные члены предложения, взятые вместе, считать сказуемым.

Заметим, что установленная здесь у нас разница между предложением и суждением весьма подробно и разносторонне разработана в советской лингвистике и в настоящее время является неотъемлемым ее достоянием. Правда, еще в 1947 г. чешский ученый В. Матезиус⁹ довольно отчетливо разработал теорию так называемого «актуального членения» грамматических предложений. Этот ученый как раз доказывал, что любой член предложения и любая комбинация этих членов может быть и подлежащим и сказуемым и вообще интерпретироваться в виде любого члена предложения, из тех, которые указываются в школьной грамматике. Однако у нас в 50-х годах вся эта обширная проблема разницы между предложением и суждением, а также и вообще между словом и понятием, разрабатывалась настолько часто и детально, настолько разнообразно и самостоятельно, что никакого следа заимствования у В. Матезиуса проследить нет никакой возможности. В те же самые годы этой проблемой вполне самостоятельно занимался также и автор настоящей статьи, совершенно не будучи знаком с работой В. Матезиуса. Но по разного рода «техническим» причинам соответствующая статья появилась только в 1965 г.¹⁰

Очень легко проводимую здесь нами теорию языковой интерпретации понять слишком формально и думать, что такое различное членение предложений вовсе несвойственно реальному языку. Это грубая ошибка, не свидетельствующая о пристальном внимании к произносимой и слышимой речи. Известный актер Качалов, изображая в своем Гамлете почти исключительно только сыновнюю любовь к матери, подчеркивал по всей трагедии только те слова, которые в той или другой степени выражают любовь Гамлета к матери. На периферии я видел много разного рода замечательных Гамлетов, и все они были разные. Мне помнится актер, выдвигавший на первый план одиночество, покинутость, беспомощность, расслабленность, крайнее отчаяние и полное бессилие Гамлета. Это был, скорее, какой-то чеховский герой, а не шекспировский Гамлет. Мне

⁹ *Mathesius V.* O tak zvaném aktuálním členění větném.— Сб. «Čeština a obecný jazykozpyt». Praha, 1947.

¹⁰ Лосев А. Ф. О коммуникативном значении грамматических категорий.— В кн.: Сб. ученых трудов МГПИ им. Ленина «Статьи и исследования по языкознанию и классической филологии». М., 1965, с. 196—231. В этой работе на с. 197—198 перечислены и главные советские работы на эту тему.